

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЭТНОСЕПАРАТИЗМ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2011 г. О. Болотникова

Этноконфликты, этносепаратизм – раньше такие слова почти не употреблялись ни в научной литературе, ни в средствах массовой информации, хотя обозначаемые ими явления, конечно, существовали. Но сейчас феномен этносепаратизма приобрел новое звучание.

Дело в том, что, во-первых, распались империи, и на их месте возникли новые государства, в основном полиэтнические. И существующие там этнические общности не желают быть в подчинении у тех, с кем они еще совсем недавно жили на равных под общим имперским “зонтиком”, но кто теперь стал “титупной нацией” в новом государстве. Во-вторых, во многих случаях на территории бывших колоний возникли государства фактически без единой нации, и власти спешно “создают” ее (в частности, в Африке: из множества этнических групп и племен стремятся создать кенийскую или нигерийскую нации). В-третьих, это то, что называется *Zeitgeist*, дух времени. Повеяли новые ветры, и, например, не только ирландцы, но уже и шотландцы, и валлийцы не желают считать себя британцами, а каталонцы прямо объявили себя нацией. И так называемые этносепаратистские конфликты в настоящее время представляют глобальную социально-политическую проблему.

Но любая социальная общность, вырастающая на этнической почве (от племени до многомиллионной нации), всегда имеет и оборотную сторону – обособленность от иных групп и сообществ. Здесь видна классическая дихотомия “мы – они”. И в идеале (конечно, это был бы идеал для одних и катастрофа для других) каждая этническая (этноконфессиональная) группа должна была бы добиваться самостоятельности, наивысшей ступенью которой является создание собственного независимого государства.

Характерно, что современные этнические конфликты все реже являются войнами между государствами. Чаще такие конфликты зарождаются

на территории одной страны. Однако в XXI в. взаимозависимость процессов, происходящих в разных точках земного шара, настолько велика, что опасность, возникающая в каком-либо отдельном регионе, нередко приобретает особую значимость для всего мира. Вспыхивающие на территории одного государства конфликты, развиваясь, затягивают в свою орбиту не только соседние, но и находящиеся далеко от горячей точки страны. Столкновения на этнической почве становятся более опасными и в связи с тем, что они активно используются террористами и вооруженными нелегальными формированиями. Террористические и иные преступные группировки, ловко манипулируя сознанием людей на территориях тяжелых этноконфликтов, легко приживаются там. Они создают свои базы и лагеря именно на так называемых бесконтрольных территориях слабых стран, власти которых не могут оказывать им должного сопротивления. Наиболее яркие примеры стран, на территории которых в течение длительного времени действуют террористические организации, – это Афганистан (Талибан), Ирландия (ИРА), Палестина (ООП, ХАМАС), Испания (ЭТА), Турция (Партия трудящихся Курдистана). Этноконфликты приводят к появлению больших потоков беженцев и перемещенных лиц.

В XX в. применение принципа равноправия и самоопределения народов было направлено на защиту прав населения колоний. К концу столетия, когда проблема деколонизации была в основном решена, лозунг самоопределения стал чаще использоваться для прикрытия политических движений уже внутри существующих государств. Эти движения стали называть *сепаратистскими*.

В данной статье автор рассматривает несколько важных аспектов проблемы урегулирования современных этнических конфликтов, связанных с сепаратизмом, а именно со стремлением народов и этнических групп, живущих на территории одного государства, к разделу этой территории.

В центре проблематики находится вопрос о соотношении двух основополагающих принципов международного права, которые обычно проти-

БОЛОТНИКОВА Ольга Радиковна, аспирантка НИУ ВШЭ (olgabolutnikova@mail.ru).

вопоставляют в процессе урегулирования конфликтов. Речь идет о принципах “территориальной целостности государств” и “права народов на самоопределение”. Абсолютизация этих двух принципов значительно осложняет поиск компромисса между конфликтующими сторонами и тем самым отдаляет возможность успешного разрешения этнических споров. На переговорах по урегулированию этносепаратистских конфликтов эти принципы не только противопоставляются друг другу, но и рассматриваются сторонами как взаимоисключающие. Особенно ярко это проявляется на этапе признания уже провозгласивших свою независимость территорий.

Конфликтующие стороны трактуют эти принципы каждый в своих интересах; определяют степень их применимости или неприменимости в конкретных условиях конфликта; противопоставляют один принцип другому, используя их не столько для продвижения к урегулированию, сколько в односторонних эгоистических и пропагандистских целях.

Решения ООН устанавливают и современная правоприменительная практика подтверждает взаимосвязанность принципов международного права: каждый принцип не должен рассматриваться вне контекста всех других. Есть мнение, что между принципами территориальной целостности и права наций на самоопределение не существует противоречия. И лишь в случае их абсолютизации, которая чаще всего носит искусственный пропагандистский характер, усложняются поиски мирного урегулирования конфликтов и достижения компромиссных договоренностей между сторонами. Так ли это?

Очевидно, что оба принципа являются итогом длительной и неоднозначной эволюции международного права, происходившей в течение XX в., и представляют собой значительное достижение в истории внешнеполитических отношений государств. Оба – имеют серьезное основание в историческом опыте стран. Оба – выработаны мировым сообществом с целью содействовать стабилизации отношений между государствами, сократить число и поводы для военных конфликтов, уменьшить страдания населения.

Оба принципа поддерживаются подавляющим большинством государств мира в качестве важнейших и императивных норм международного права.

“Если стороны в этноконflikте являются суверенными государствами, то они в равной степени связаны обоими принципами в соответствии с

Уставом ООН. У них нет оснований утверждать, что тот или иной принцип, составляющий одну из опор существующего международного порядка, имеет приоритет или преимущество перед каким-либо другим принципом”¹.

При возникновении международных конфликтов желательно добиваться их урегулирования с учетом обоих принципов, не противопоставляя их, а находя взаимоприемлемые решения, чаще всего на основе политических компромиссов.

В качестве примеров стран, в которых существуют этноконflikты, осложненные абсолютизацией указанных принципов, можно привести Сербию с отделившимся от нее краем Косово, Грузию с провозгласившими свою независимость Абхазией и Южной Осетией, Азербайджан с борющимся за независимость Нагорным Карабахом, Молдавию со стремящейся получить международное признание Приднестровской Молдавской Республикой. Государства, имеющие сходные проблемы, существуют и в благополучной Западной Европе. Наиболее сложная обстановка в Бельгии, находящейся на грани распада, и в Испании, где существует главным образом конфликт между центральной властью и баскскими сепаратистами, но есть также и проблема Каталонии.

ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Типологизация этнополитических конфликтов может основываться на исторических предпосылках их возникновения. В этой связи оптимальной представляется типология, предложенная профессором Г.И. Мирским, который выделяет три вида конфликтов. Во-первых, конфликты, связанные «с длительными антагонистическими взаимоотношениями этнических групп (армяне – азербайджанцы, сербы – хорваты – боснийские мусульмане, курды – арабы в Ираке, противоборствующие стороны в Северной Ирландии). В этом случае налицо “наследие крови”, взаимная ожесточенность, которая рано или поздно должна была привести к вспышке насилия. Во-вторых, конфликты, которым предшествовала длительная взаимная отчужденность, ранее не доходившая, однако, до уровня прямого силового противостояния (оба конфликта в Грузии с абхазами и осетинами, противостоящие общности в Канаде, Бельгии, Шри-Ланке). В-третьих, конфликты между этническими группами, отношения между кото-

¹ Романов В.А. Право и международные отношения. Принцип самоопределения и территориальная целостность государств // Дипломатический вестник. 2000. № 9. С. 26.

рыми раньше были вполне нормальными (осетины – ингуши, узбеки и киргизы, русские – молдаване в Приднестровье)»².

В основе конфликтов лежит вопрос о территории, население которой составляет здесь большинство, в то же время являясь меньшинством в рамках данного государства. Любое такое меньшинство, вероятно, желало бы иметь собственное самостоятельное государство, но это не означает, что непосредственной причиной конфликта всегда является открытое враждебное требование предоставления меньшинству независимости, то есть сепаратизм в буквальном смысле слова.

Есть конфликты по поводу именно определенной территории, на которую претендуют обе противоборствующие стороны. Такую территорию обычно невозможно поделить, она должна принадлежать либо одной, либо другой стороне, поскольку каждая из них убеждена, что это – ее исконная земля. «Самый яркий пример – Нагорный Карабах: и армяне, и азербайджанцы утверждают: “это наша земля с незапамятных времен, многие поколения наших предков жили здесь, взгляните на кладбища, где они покоятся, и на наши древние храмы”. Главный аргумент здесь – исторический: кто пришел на эту землю первым, а кого надо считать более поздним пришельцем; другие примеры такого рода – Палестина, в особенности Иерусалим, а также Косово. Во всех этих случаях крайне трудно, если вообще возможно, решить конфликт таким образом, чтобы обе стороны были удовлетворены: ведь речь идет об одном и том же куске земли. Огромную роль также играет историческая память, тщательно оберегаемая прежде всего образованными слоями общества»³.

«Можно также классифицировать конфликты с точки зрения тех целей, которые ставят перед собой противоборствующие стороны, главным образом “бунтующие меньшинства”, поскольку застрельщиками конфликтов выступают, как правило, недовольные имеющимся статус-кво меньшинства. В идеале они имеют целью создание своего государства. В реальной жизни эта сверхзадача не всегда является достижимой, а в ряде случаев национальные лидеры, вопреки настояниям крайних фракций, считают оптимальным вариантом такую договоренность с центром, которая предусматривает более низкий уровень самостоятельности, чем полная независимость»⁴.

² Мирский Г.И. На развалинах империи. Этнические и национальные проблемы в бывшем Советском Союзе. М., 2000. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

Здесь мы видим эффект так называемого матрешкина национализма. Суть этого термина в том, что, подобно кукле-матрешке, внутри которой открываются новые и новые куклы, независимость, достигнутая многонациональной страной, ведет к появлению сепаратистских тенденций и к борьбе за независимость этнического меньшинства уже внутри этого нового государства. Если признать такую логику универсальной и неизбежной, то можно было бы предвидеть и распад Российской Федерации, равно как и перекройку всей карты Африки. В действительности дело обстоит, конечно же, не так прямолинейно. И зачастую лишь узкоэгоистические цели агрессивно настроенных элит приводили к переходу конфликтов в вооруженную фазу там, где этого можно было избежать.

В коллизиях, спровоцированных “бунтом меньшинств”, четко прослеживается разница между конфликтами по поводу спорных территорий и конфликтами разделения или разрыва. В первом случае оба участника столкновения оспаривают одну и ту же территорию, утверждая, что она принадлежит им, причем каждая из сторон считает другую незаконно претендующей на данную землю, узурпировавшей право на нее. В качестве примеров можно привести карабахский и осетино-ингушский конфликты, в которых все сфокусировано на судьбе конкретной территории, которая рассматривается и той и другой стороной как ее исконная земля. Здесь, подобно конфликту вокруг Палестины, возникают бесконечные и в принципе неразрешимые споры о том, “кто раньше пришел”, “кто здесь жил сто (или тысячу) лет назад” и т.д.

Во втором случае оба противостоящих друг другу этноса исторически обладают территорией, где они всегда компактно проживали, из которой их не изгоняли, что снимает вопрос о том, “кто был первым”. Так в Чехословакии, чехи никогда не отрицали права словаков на часть двуединого государства. В Бельгии как фламандские, так и валлонские националисты признают, что если не считать Брюсселя, то *одни* регионы государства являются местом компактного проживания конкретного этноса, где он всегда численно преобладал, а *другие* – “коренной” территорией второй этнической группы. В Канаде англоговорящее население не пытается отрицать французский характер Квебека. Во всех этих случаях речь идет об ином: расчленять или нет государство на том основании, что входящие в него нации или этнические группы имеют свое, никем не оспариваемое, территориальное “ядро”. В Чехословакии

обе нации разошлись мирно; то же самое произошло, когда расстались Сенегал и Мали, Малайзия и Сингапур.

Такой исход возможен в тех случаях, когда подвергнутое угрозе распада государство населено лишь двумя нациями, и “развод” не влечет за собой цепную реакцию отпадения всех прочих.

Очевидно, что сложнее всего добиваться решения споров там, где к территориальным претензиям добавляются исторически накопившиеся обиды, воспоминания о пережитом угнетении и несправедливости – в качестве неотъемлемой части того мифа, без которого немыслимо националистическое движение. Еще труднее урегулировать конфликт, отмеченный “наследием крови”, где взаимный антагонизм все время подпитывается памятью о жертвах. Но, например, в Бельгии “наследия крови” нет.

БЕЛЬГИЯ – ВТОРАЯ ЧЕХОСЛОВАКИЯ?

Это государство в настоящее время стоит на грани разделения, пусть и цивилизованного, не ведущего к кровопролитию. Бельгия долгое время существует как федерация национальных субъектов, имеющих широкие права, и только ограниченный круг властных полномочий принадлежит федеральному центру. Сама история этого государства с 1830 г. являет собой пример политического компромисса между двумя довольно непохожими друг на друга общинами.

Сейчас страна разделена на три сообщества (фламандцы, валлоны и немцы) и три региона – Фландрию (север), Валлонию (юг) и столицу Брюссель. Валлоны считают себя более культурными, развитыми – хотя бы потому, что они говорят на таком великом языке человеческой цивилизации, как французский. При этом Фландрия является наиболее процветающим и богатым регионом, фламандцы считают себя политически “недопривилегированными”, дискриминируемыми и требуют для себя как можно большей автономии. Многие фламандцы уверены, что менее зажиточный франкоязычный юг тянет вниз экономику государства; поэтому им, близким по языку к голландцам, было бы лучше, если бы они избавились от “валлонской обузы”. Валлонцы же, напротив, боятся потери части финансирования со стороны севера и распада королевства как такового.

Фламандцы за последние несколько десятилетий не раз предпринимали попытки превратить Бельгию в конфедерацию. Объявив Фландрию и Валлонию фактически независимыми государ-

ствами, сторонники конфедерации предлагали сохранить лишь общую денежную единицу и оборонную политику. Однако эту модель так и не удалось реализовать на практике. В данный момент на фоне серьезнейшего парламентского кризиса фламандские сепаратисты форсируют свои требования.

Нынешний кризис, разразившийся в Бельгии, представляется более глубоким, чем все предыдущие, так как Фландрия впервые за всю историю страны, существующей на основе политического компромисса и умиротворения, пытается решительно навязать французской части свою волю. Речь идет о наделавшем много шума деле “БХВ”⁵ (Брюссель–Халле–Вилворде – округ, объединяющий брюссельский регион, состоящий из 19 франкоговорящих и 35 фламандских коммун). Франкоговорящее население округа имеет право голосовать за франкоязычные партии и быть судимым на французском языке. Фландрия считает эти права недопустимыми, – ведь они ставят под сомнение единство территории, которую они воспринимают как одноязычное пространство. Фламандские политические круги, поддержанные общественным мнением, требуют раздела этого округа: в таком случае франкоговорящему населению Фландрии останется, как утверждают, только ассимилироваться или эмигрировать⁶.

Сегодня Бельгия продолжает оставаться без федерального правительства. Это вызывает настолько глубокий раскол, что все громче стали раздаваться требования о разделении государства. Радикальные фламандские сепаратисты предлагают разделить Бельгию по линии этнического и экономического размежевания⁷.

При этом главным действующим лицом, пытающимся примирить непримиримое, является король Альберт II, который играет самую активную роль в попытках достижения компромисса между семью политическими партиями. Но напряженность между фламандцами и франкофонами не спадает.

Возможности политического компромисса в Бельгии неограничены. Опросы общественно-

⁵ *BHV* – общепринятое обозначение этой проблемы во франкоязычных СМИ.

⁶ См.: *Quatremer J.* Crise politique jeudi 22 avril 2010. La dislocation de la Belgique s'accélère (http://letemps.ch/Page/Uuid/90bc498c-4e4e-11df-b5da-0b6302cb26b3/La_dislocation_de_la_Belgique_saccelere).

⁷ Примечательно, что две партии, представляющие интересы Фландрии, входят в Европейский свободный альянс, известный стремлением его членов к достижению суверенитета национальных меньшинств в своих странах.

го мнения показывают, что население устало от многочисленных выборов в парламент и неспособности политических сил сформировать правительство⁸.

Журналисты и общественность всерьез обсуждают различные сценарии будущего раздела Бельгии. Так, франкоязычные СМИ предлагают следующие версии развития событий: Фландрия, Валлония и Брюссель станут отдельными государствами; Валлония объединится с Брюсселем; Валлония с Брюсселем войдут в состав Франции; Бельгия станет конфедерацией по швейцарской модели или останется федерацией, но без разделения по языковому принципу.

Скорее всего, оптимальным вариантом на среднесрочную перспективу для Бельгии было бы создание конфедерации. Стороны вполне способны договориться по таким вопросам, как реформа социальной системы (в рамках которой экономически благополучный север дотирует юг на 10 млрд. евро ежегодно) и налоговой сферы. В полномочиях федерального центра остаются вопросы обороны и внешней политики. Сложной будет проблема раздела между субъектами федерации госдолга Бельгии, объем которого сопоставим с ВВП страны.

Но наиболее острым остается вопрос о Брюсселе.

У победивших на выборах националистов из Фландрии однозначного ответа нет, хотя они, безусловно, выступают за “бархатный” развод с франкоговорящими валлонами по примеру Чехословакии. Это означает исчезновение с карты мира государства Бельгия, так же, как исчезла Чехословакия. И такой вариант имел бы общее с Чехословакией только в одном смысле: разойтись без кровопролития.

С точки зрения международного права, раздел Бельгии является допустимым, так как здесь имеет место выражение воли самих народов. Однако при этом нельзя забывать о защите интересов всех сторон, в частности той, которая заинтересована в сохранении единого государства. В данном случае приверженцы единого государства относятся по большей части к франкоязычным валлонцам. Именно они, главным образом, выступают за сохранение пусть и шаткого, но статус-кво. Кроме того, в случае распада Бельгии на два государства, помимо положения Брюсселя, необходимо будет решать и другие сложнейшие проблемы.

Это статус немецкоязычных регионов Бельгии, где проживают бельгийские немцы, которые, возможно, не захотят остаться в составе нового Валлонского государства. Не менее сложной является экономическая ситуация в Валлонии, основная статья доходов которой – туризм. Вполне возможно, что в Валлонии появится движение за объединение с Францией.

И наконец, существует опасность прецедента. В случае разделения Бельгии могут обостриться похожие проблемы национальных меньшинств прежде всего в Испании, а также во Франции и Великобритании. Кроме того, нельзя исключать, что провозглашение независимости Фландрии вызовет всплеск фламандского сепаратизма в Нидерландах.

Весь обозначенный спектр проблем, несомненно, потребует своего разрешения после раздела государства. Однако в ситуации с Бельгией, очевидно, наступает момент, когда абсолютно все варианты компромисса уже использованы, а положение продолжает усугубляться. Это происходит не из-за наличия “кровной памяти”, мифологизации истории или каких-либо других классических исторических проблем, которые присущи современным этническим конфликтам. Дело прежде всего в специфическом политическом и экономическом устройстве страны, основанном на максимальной автономии субъектов федерации. Осложняет задачу ее особое положение в институциональной системе Европейского союза. Поэтому представляется неизбежным распад страны, если не в краткосрочной, то в среднесрочной перспективе.

Итак, Бельгия – вторая Чехословакия? Но ведь чехам и словакам не надо было решать проблему Праги...

К тому же в современном мире ни один даже сугубо внутренний этнический конфликт не может не затрагивать интересы других стран. Появление в позиции одной из конфликтующих сторон элементов сепаратизма интернационализирует конфликт и подчиняет его требованиям и нормам международного права, о которых было сказано выше. То же происходит, если к процессу переговоров между конфликтующими сторонами в пределах одного государства подключаются третьи страны или международные организации в качестве посредников, наблюдателей, контролеров, миротворцев, *peace builders* и т.п. В случае реализации сценария распада Бельгии активную позицию, несомненно, займет наднациональный орган Европы – Европейский союз.

⁸ См.: <http://www.gentv.be/affichage.php?chaine=VTM>

Неизбежно возникает вопрос не только о признании новых государств международным сообществом, но и о том, насколько этот политический акт корреспондируется с двумя обозначенными выше принципами международного права. Ведь каждое государство, используя ту или иную норму международного права, исходит в первую очередь из собственных интересов, а не думает о народах признаваемых стран. Так происходило в прошлом: страны, которые имеют на своей территории национальные меньшинства, стремящиеся к самоопределению, как правило не признают новосозданные государства, апеллируя к принципу территориальной целостности государств.

АФРИКА: НИГЕРИЯ, СУДАН, ЗАПАДНАЯ САХАРА

Когда в 1960 г. (“Год Африки”) провозгласили независимость сразу десятки африканских стран, многие аналитики опасались, что “развернется ад”: сотни племен, говорящих на различных языках и часто враждовавших друг с другом, захотят получить собственную государственность, и начнется нескончаемая “война всех против всех”. К счастью, этого не произошло: в основном повсюду сохранились границы между бывшими колониями, в свое время установленные (иногда совершенно произвольно) европейцами. В новых государствах принялись “создавать нацию”, как правило, при доминирующей роли наиболее многочисленной этнической группы. Тем самым были посеяны семена будущих раздоров на основе поднявшегося “национализма меньшинств” (“матрешкин национализм”), но в подавляющем большинстве случаев центробежные трибалистские тенденции были подавлены или заморожены путем предоставления разного рода привилегий тем этническим группам и племенам, которые оказались на нижних ступенях государственной иерархии. А языковая проблема была решена просто: официальным стал язык бывшей метрополии, которым владели все образованные люди и на котором изъяснялись и сами лидеры борьбы за освобождение. Классический пример – наш Дагестан, в котором аварцы, даргинцы, кумыки, лаки, лезгины и иные народы могут общаться друг с другом только на русском языке. Новые независимые страны Африки, бывшие колонии Великобритании, Франции, Бельгии и Португалии, говорят соответственно на английском, французском и португальском языках.

Тем не менее в двух крупнейших государствах Африки южнее Сахары – Нигерии и Судане – были предприняты крупномасштабные воору-

женные выступления этносепаратистского характера, приведшие к настоящим войнам. Результаты в этих странах оказались прямо противоположными.

В Нигерии самый серьезный конфликт возник сразу же после провозглашения независимости между северянами *фулани* – *хауса* (мусульманами) и христианами *игбо*. В 1966 г. дело дошло до погромов: около 50 тыс. игбо были убиты, 2 млн. бежали с севера на восток, где эта этническая группа преобладает, составляя до 70% населения. В мае 1967 г. федеральное правительство, в котором после военного переворота ключевые позиции заняли представители хауса, вместо четырех провинций создало 12 штатов. Они, помимо всего прочего, были скроены так, что главное богатство Нигерии – нефть оказалось там, где игбо были в меньшинстве и основные доходы шли северянам-мусульманам. В ответ на это офицеры-игбо 30 мая 1967 г. провозгласили самостоятельную Республику Биафра (по названию залива), и уже в июле началась война.

Лидеры сепаратистов заявили своему народу, что игбо находятся под угрозой полного уничтожения, улицы городов были заполнены плакатами с огромными фотографиями солдата федеральной армии с автоматом в руке и надписью: “*That man is ready – are you?*” (“Этот человек готов – а ты?”). Патриотический подъем охватил молодежь игбо, массами вступавшую в армию Биафры. Симпатии мировой общественности разделились, но такие державы, как Великобритания и Советский Союз, поддержали федеральную власть. Вопреки ожиданиям правительства, легкой военной прогулки не получилось, армия Биафры дралась упорно, переходя в контрнаступление, но силы были неравны. Поразительно, что игбо смогли продержаться два с половиной года, и лишь когда были потеряны все аэропорты и морские порты, положение стало безнадежным. 15 января 1970 г. игбо капитулировали, Биафра перестала существовать, ее население за время войны уменьшилось на 2 млн. человек. Целостность Нигерии была восстановлена, и многие африканские правительства вздохнули с облегчением – ведь победа Биафры (а она была возможна при условии предоставления существенной помощи извне) могла бы вызвать цепную реакцию сепаратизма и у них...

По-иному развивались события в Судане. Здесь речь идет о конфликте между арабами северной и центральной части, с одной стороны, и неарабским населением юга – с другой. Южан даже трудно назвать меньшинством с сепаратистскими устремлениями – ведь согласно последней пере-

писи, нилоты и нубийцы (христиане и язычники) составляют около 52% сорокадвухмиллионного населения Судана, а арабы (в основном мусульмане) – 39%. Прежде все они жили достаточно мирно в условиях кондоминиума (совместного управления Великобританией и Египтом). После ухода англичан суданские политические силы, состоявшие почти исключительно из арабов-мусульман, категорически отвергли унию с Египтом и в 1956 г. провозгласили независимость. Но вскоре и их ждал неприятный сюрприз: “матрешкин национализм” сработал на берегах Нила. Южане, чужие арабам по языку и религии, стали рваться прочь из нового государства. Первая война между Севером и Югом длилась с 1955 по 1972 г. и привела лишь к предоставлению южанам ограниченной автономии. Вооруженные силы последних во главе с выдающимся национальным лидером Гарангом (впоследствии погибшим в авиакатастрофе) только ждали момента, чтобы возобновить борьбу за полную независимость.

Этот момент наступил в 1983 г., когда подпавшее под влияние исламистов правительство Судана решило ввести на юге шариатские законы, что для южан было, конечно же, неприемлемо. Началась вторая война, и уже в текущем столетии, после боев и перемирий, наступила передышка: конфликт не привел к победе ни одной из сторон. Результат войны – 2,5 млн. убитых, 4 млн. беженцев. Но самое главное – данное в 2005 г. обещание Хартума решить вопрос путем референдума в январе 2011 г.

И вот этот день настал. Как и следовало ожидать, 9 января 2011 г. народы Юга почти единодушно проголосовали за отделение от Судана и образование независимого государства. В итогах референдума никто и не сомневался, весь вопрос был в том, согласится ли Хартум на такой исход противостояния, длящегося почти полвека. Ведь основное природное богатство Судана – нефть (один из крупнейших покупателей которой, между прочим, Китай, невероятными темпами укрепляющий в последние годы свое влияние в Судане), а она находится главным образом на Юге. Ожидали последней, смертельной, более кровавой, чем когда-либо, схватки между Севером и Югом, но, ко всеобщему удивлению, президент Башир накануне референдума посетил южный регион и заявил, что намерен признать итог волеизъявления народа.

Видимо, хартумские власти рассудили, что военным путем мятежников не подавить, предстоит многолетняя изнурительная война с неясным концом, в ходе которой добывать нефть на пы-

лающем Юге будет совсем не просто. Здесь больше потеряешь, чем выиграешь. А договориться о разделе доходов от нефти вполне возможно, Юг на многое пойдет ради достижения желанной независимости без нового кровопролития и новой разрухи.

Наконец, Западная Сахара, до 1975 г. – испанская колония. В ноябре 1975 г. король Марокко организует “Зеленый марш”, итогом которого становится бескровная аннексия территории. 27 февраля 1976 г. Фронтом Полисарио, органом освободительной борьбы сахарских арабов, провозглашается независимое государство под названием Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР). Начинается вооруженная борьба, но силы, разумеется, неравны. Сейчас, после долгих десятилетий войны, Фронт Полисарио контролирует лишь восточную часть территории (так называемая Свободная зона), отделенную от большей части западной Сахары построенной марокканцами настоящей заградительной стеной.

“Казус Западной Сахары” – явление уникальное. Строго говоря, речь идет не об этносепаратистском конфликте, ведь с обеих сторон действует один и тот же этнос – арабский. Дело в том, что Фронт Полисарио возник еще до марокканской аннексии территории, он боролся за независимость от Испании, а когда испанцы ушли, на землю Западной Сахары польстилось соседнее государство, тоже арабское, но чужое. Дальше все пошло по инерции: первая кровь, взаимные обвинения и неуступчивость.

Уникальна и ситуация с международным признанием самопровозглашенной республики. Ее признало 47 стран, в основном небольших. Не признали официально, но поддерживают право народа Западной Сахары на самоопределение – 26 государств (в том числе Россия и Великобритания). Выступают за автономию в составе Марокко – 17 стран, включая США. Наконец, поддерживают “территориальную целостность Марокко” – 22 государства, но и они не признают аннексию Западной Сахары. САДР входит в Африканский Союз, но не принята в Лигу арабских государств. Что касается Организации Объединенных Наций, то для нее Западная Сахара остается в списке самоуправляющихся территорий и именуется “недеколонизованной территорией”. ООН за последние десятилетия приняла более 100 резолюций по поводу права населения, проживающего в Западной Сахаре, на самоопределение, выступает за переговоры, но членства в международной организации так и не предоставила. Переговоры же никак не могут начаться, по-

скольку Марокко наотрез отказывается изменять статус территории, которую оно называет своими «Южными провинциями». Вместе с тем, чтобы не дискредитировать себя в глазах мировой общественности новым кровопролитием, Рабат негласно смирился с существованием де-факто самостоятельного образования на небольшой полоске сахарской земли, от которой он отгородился стеной. Патовая ситуация сохраняется.

НАГОРНО-КАРАБАХСКАЯ РЕСПУБЛИКА (НКР)

Всякий, кто берется писать на эту тему, вступает на заминированное поле: любое слово может быть интерпретировано представителями одной из сторон конфликта как предвзятое и служащее интересам другой стороны. Поэтому не будем останавливаться на истории конфликта и аргументах его участников, тем более что они хорошо известны и многократно описаны.

27 октября 2010 г. в Астрахани по инициативе российского президента Д. Медведева состоялась 7-я за последние два года встреча глав трех государств – Армении, Азербайджана и РФ, на которой было принято совместное заявление по нагорно-карабахскому урегулированию⁹. Президенты также договорились «безотлагательно произвести обмен военнопленными и возвращение тел погибших». Подобные соглашения снижают уровень конфликта, однако не способны охватить все его поле хотя бы потому, что в них не участвуют представители непризнанного Нагорного Карабаха, то есть того самого народа, который борется за независимость в соответствии со своим правом на самоопределение. В частности, по поводу состоявшейся встречи представители НКР высказались в том смысле, что решение гуманитарных вопросов рано или поздно будет найдено, а общие принципы его урегулирования – едва ли. Это прежде всего связано с тем, что *Арцах* (армянское название территории) непосредственно не принимает участия в переговорном процессе.

Но главное, конечно, – это то, что стороны конфликта рассматривают ситуацию совершенно различным образом, и этот фактор исключает возможность реального компромисса. В последнее время в Ереване наметились качественные сдвиги и все настойчивее стали звучать призывы к незамедлительному признанию Арменией независимости НКР на основе права карабахского народа

на самоопределение. В Азербайджане, напротив, столь же твердо начали выдвигаться требования о решении нагорно-карабахского конфликта военным путем. Азербайджанская сторона апеллирует к принципу территориальной целостности и заявляет, что будет вести переговоры до тех пор, пока будет надежда на мирное восстановление территории страны. По этому поводу высказался президент Азербайджана И. Алиев 7 ноября 2010 г. В частности, он сказал: «Когда увидим, что это невозможно (восстановление территориальной целостности Азербайджана мирными средствами. – **О.Б.**), тогда азербайджанское государство, используя военный путь, восстановит свою территориальную целостность»¹⁰.

Уже сейчас есть, вероятно, страны, которые не против признания независимости Нагорного Карабаха. Однако поскольку урегулирование уже долгое время происходит в рамках минского процесса с участием таких влиятельных стран, как Россия, США и Франция, они чувствуют себя связанными этим форматом. Но если Азербайджан продолжит жесткие высказывания и минский процесс будет подорван, это может спровоцировать признание независимости Карабаха рядом стран.

Этносепаратизм в Нагорном Карабахе, с точки зрения международного права, породил настоящий тупик. Как уже было отмечено, здесь столкнулись две основополагающие нормы – неизменности государственных границ, с одной стороны, и права наций на самоопределение – с другой. Попытки решить это противоречие на основе принципа народного волеизъявления сразу порождают вопрос: среди кого проводить референдум? При его проведении только в одном Нагорном Карабахе получится несомненный ответ – за отделение от Азербайджана; а референдум, проведенный на территории не только Карабаха, но и всего Азербайджана, где подавляющее большинство составляют этнические азербайджанцы – турки, даст прямо противоположный результат.

Не подлежит сомнению, что если бы Азербайджан был достаточно мощным в военном отношении, чтобы восстановить силой оружия свою власть над Нагорным Карабахом, он сделал бы это, невзирая на все призывы мирового сообщества к компромиссу и политическому урегулированию. Но поскольку за спиной карабахских армян стоит

⁹ См.: *Гегамян А.* Новая война в Нагорном Карабахе может сдвинуть взрыв на Ближнем Востоке. 2 ноября 2010. www.regnum.ru

¹⁰ Мы в любой момент сможем восстановить территориальную целостность страны военным путем: президент Азербайджана. 8 ноября 2010. www.regnum.ru

Армения, шансы на возвращение данной территории в состав Азербайджана проблематичны.

По мнению автора, вероятность эскалации конфликта и перетекания его в горячую фазу в настоящее время не очень велика. Война не выгодна ни Армении, ни Азербайджану (хотя история знает немало случаев, когда заведомо ненужная и невыгодная никому война начиналась, поскольку государственные деятели попадали в ловушку собственной риторики и полагали, что они не могут позволить себе выглядеть слабыми в глазах своего народа). Скорее всего, в течение долгого времени конфликт будет оставаться в замороженном состоянии, и мир станет свидетелем некоего периода “тупикового затишья”.

ПРИДНЕСТРОВСКАЯ МОЛДАВСКАЯ РЕСПУБЛИКА (ПМР)

2 ноября 2010 г. исполнилось двадцать лет со времени первого кровопролития в Приднестровье. В 1992 г. этот конфликт перерос в настоящую войну, стоившую жизни более чем тысяче человек. Приднестровская Молдавская Республика, провозглашенная в 1991 г., отбила атаки вооруженных сил Молдавии и обеспечила свою самостоятельность, став одной из самопровозглашенных непризнанных республик.

Как свидетельствуют данные опросов, мнение большинства местного населения сводится к тому, что войну вели не два народа, а не сумевшие найти общий язык амбициозные руководители двух внезапно возникших независимых государств.

Эти народы на самом деле живут достаточно мирно: приднестровцы и жители “правобережной” Молдавии свободно ездят друг к другу, не составляет большой проблемы и оформление документов. Гораздо важнее то, что нет по существу ни межэтнических, ни межконфессиональных противоречий. В ПМР проживает примерно одинаковое количество молдаван, русских и украинцев (что не позволяет отнести данный конфликт к категории этнических, когда один этнос не желает жить в подчинении у другого), религия единая – православие. Но бессменный лидер Приднестровья И. Смирнов и сменяющие друг друга молдавские руководители по-прежнему не могут наладить отношения. Основная причина периодической пробуксовки переговорного процесса, в последний раз остановившегося еще в феврале 2006 г., – амбиции двух сторон.

Нет недостатка в разного рода встречах и со встречах, но все без особого результата. Не так давно были предприняты очередные попытки

достичь компромисса во время переговоров в Москве при посредничестве президента России. “Я уверен, что проблема Приднестровья абсолютно решаема”¹¹, – прокомментировал эту встречу Д. Медведев. Вопрос в том, как именно она решаема, на каких условиях? Основные варианты: а) *воссоединение*, б) *окончательный разрыв*, в) *сохранение статус-кво*.

При варианте “а” восстанавливается единая Молдова, а самопровозглашенное квазигосударственное приднестровское образование перестает существовать. Уже одно это делает данный вариант практически нереальным. Правящий политический класс ПМР вряд ли откажется от своих привилегий. Годы раздельного существования сделали свое дело: в ПМР вырастает поколение, не говорящее по-молдавски и не желающее возвращаться в “страну, ставшую чужой”, тем более, что периодически возникают слухи об эвентуальном объединении с Румынией (хотя это выглядит все менее вероятным ввиду нежелания на этот раз уже руководства Кишинева “отдаться во власть Бухареста”). Наконец, хотя разговоры о том, что в Молдавии процветает капитализм, а в ПМР осталась советская власть, представляются по меньшей мере сильным преувеличением – все же различия в социально-экономических системах достаточно велики. Народу в ПМР живется нелегко, как и в любой непризнанной республике, но есть возможность ездить на заработки в другие страны.

При варианте “б”, то есть официальном отказе ПМР от курса на воссоединение, неизбежны серьезные международные осложнения. И России, и Украине, не говоря о Западной Европе, трудно было бы санкционировать окончательный распад одного из государств, возникших после развала Советского Союза. Режим И. Смирнова противопоставил бы себя международному общественному мнению, заслужил бы ярлык “сепаратистского”, а экономические перспективы нового государства (которое, кстати, вряд ли кто-нибудь признал) стали бы совсем удручающими. В настоящее время население Приднестровья, составляющее 521 тыс. человек, неуклонно сокращается. Самые трудоспособные люди уезжают на заработки в Россию и страны ЕС. Это происходит и потому, что в непризнанной никем стране трудно создавать функционирующую на основе прозрачности экономику.

¹¹ Кишинев хочет преобразовать миротворческую операцию в ПМР в гражданскую миссию. 3 ноября 2010. www.newsmoldova.ru

Более реальным остается поэтому вариант “6” при сохранении имитации переговорного процесса. Разумеется, это не означает, что вообще в принципе недостижимо соглашение о предоставлении нынешней ПМР такой степени автономии, которая удовлетворила бы ее население. Но для этого, возможно, необходимо определенное давление извне и на ту и на другую сторону конфликта, которое заставило бы их понять, что они больше потеряют, чем приобретут, сохраняя тупиковую ситуацию. А такое давление в свою очередь должно быть общим, консолидированным. Россия, Западная Европа, Украина – смогут ли они выступить единым фронтом? Вот в чем вопрос.

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Труднее всего разрешить конфликты, в которых сочетаются такие факторы, как долго накапливающаяся враждебность, территориальные споры и обиды этнического меньшинства, чувствующего себя ущемленным. Менталитеты конфликтующих сторон настолько различны, что представляются почти несовместимыми, а мнение о “другом” воплощено в образе наследственного врага, и “проживание под одной крышей” выглядит невозможным. В иных случаях такого рода чувства не являются превалирующими, но резко обостряются в результате первых вооруженных инцидентов. Например, менталитет и образ жизни абхазов и грузин были всегда близкими, но после войны 1992–1995 гг. отношения между этими двумя этносами стали враждебными. Это же относится, хотя и в меньшей степени, к конфликтным ситуациям между осетинами и грузинами, осетинами и ингушами, тамилами и сингалами.

В теории единственно правильная модель этнополитики – мирное урегулирование конфликтов, связанных с жизнью многоэтнических обществ, с формированием новых государств на демократических началах и с признанием императива многокультуры.

Отделение от государства части территории и провозглашение ее независимости является исключительным случаем, очень сложным, который может гораздо больше проблем породить, чем решить. Поэтому такая модель может считаться приемлемой лишь в отношении тех государств, в которых проживают нации, отвергающие какие-либо альтернативные пути урегулирования этнических проблем и не желающие ни при каких условиях жить на территории единого государства.

Однако самоопределение наций не всегда означает отделение от государств. Могут быть промежуточные формы сотрудничества народов в рамках одного государства, такие как автономизация регионов, придание территориям большей самостоятельности, наделение их автономным статусом, федерализация государства.

В XXI в. признание новых государств не должно носить искусственный и поспешный характер, тем более, если старое государство еще существует и не признает своего распада, а также, если остаются меньшинства, которые выступают против раздела. Необходима серьезная аргументация, подтверждающая, что через подлинное самоопределение и гарантии прав разводящихся сторон новое государство действительно состоялось.

В ходе переговорного процесса и выработки компромисса желательно учитывать, насколько вновь созданное государство способно обеспечить безопасность и права своих меньшинств, их достойную жизнь. Некоторым из таких новых образований не удастся этого достичь. Другие могут существовать только при поддержке извне.

Например, в ситуации с провозгласившим свою независимость от Сербии краем Косово или отделившейся от Грузии Южной Осетии мир наблюдает создание слабых государств, которым требуется постоянная помощь (в случае с Косово это финансовые вливания ЕС, в Южной Осетии – России). Если Бельгия распадется на две части, Европейскому союзу, вероятно, придется поддерживать отсталую в экономическом плане Валлонию.

И наконец, никто не может дать ответ на вопрос, к которому приходится возвращаться: как практически, а не в теории сочетать принципы самоопределения народов и сохранения территориальной целостности государств. Если каждая из конфликтующих сторон убеждена (и может это подтвердить массой аргументов и документов), что “эта земля – наша”, то как тут быть?

Возникает множество опасных ситуаций. Конечно, для паники все же нет оснований. В Европе национальные (хотя это не означает “мононациональные”) государства уже в основном давно консолидировались, и не следует ожидать распада Великобритании или Испании; дело ограничится предоставлением автономии этническим меньшинствам.

И в заключение – вопрос о соотношении права и силы. Сколько раз писали в конце XX в., что время, когда международные споры решались силой, уже прошло, что это анахронизм. Увы, нет. Это

показал уже англо-аргентинский конфликт 1982 г. из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Бесплезно рассуждать, кто был прав – Аргентина, законно считающая острова своей территорией, или проживающие там поселенцы-англичане, не желающие быть подданными чужого им государства. Конфликт был решен силой, М. Тэтчер заставила аргентинскую армию капитулировать, и политологи всех стран, утверждавшие, что сейчас не XIX век, не “эпоха канонерок”, замолчали. И снова вспомним приводившиеся уже примеры – Нигерия и Судан. В первом случае центральная власть победила, буквально задавив превосходящей военной силой сепаратистов, а если бы этой силы не хватило – уже несколько десятилетий на карте мира значилось бы государство Биафра точ-

но так же, как сейчас появился Южный Судан. У центральной власти в Хартуме, в течение долгих лет пытавшейся уничтожить повстанцев, не оказалось достаточных сил. А международное право было бы использовано для оправдания любого исхода конфликта, и мировая общественность смирилась бы с совершившимся фактом. К сожалению, *Realpolitik* и в нашу эпоху все еще сводится в первую очередь к способности достичь силового превосходства, и не так уж далеко ушли мы от XIX в.

Ключевые слова: Бельгия, Нигерия, Судан, Западная Сахара, Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика, сепаратизм, этнические конфликты, территориальные споры.